Москва Театр

№ 63

Ср 18 мар

ТЕАТР и КИНО.

Работы Пролеткульта.

Обе последних постановки Пролеткульта, социально ценные по замыслу, резко различны по обработке.—«Стачка»—явление в советском кино-производстве исключительное. «Ватага»—спектакль, в данном виде не отвечающий задачам рабочего театра.

«СТАЧКА».

Коллектив 1-го рабочего театра («Пролеткульт») ставит большую фильму по рабочему движению «К диктатуре». Первая серия ее — «Стачка»—закончена.

По замыслу и постановке фильма эта, сработанная режиссером С. Эйзенштейном и оператором Тиссе, **представляет явление в советском кино-производстве исключительное.**

Это первая фильма, героем которой является действительно «человек-масса», — коллектив. В этой подлинно массовой постановке отдельные личности выступают на первый план, только как кратковременные эпизоды, быстро сменяющие друг друга, и самостоятельного значения не имеют. Это первая фильма, в которой имеется большое и яркое содержание, столь близкое рабочему зрителю: картина заводской стачки, периода самодержавия, самый процесс стачки.

Картина эта слагается из отдельных кусков, из ряда сочных бытовых штрихов, красочных, тонко-подмеченных и мастерски зафиксированных деталей, реалистичных и вместе с тем полных своеобразной символики.

Смутное брожение среди рабочих. Случайный повод—и волна прорывается. Разом останавливаются станки. Изо всех пор хлынули лютые потоки. По дорогу снимают работающих. «Несогласных» штурмуют. На ледяной страстный призыв гудка бегут из посёлков встревоженные жены и дети. Митинг. Ретивых «администраторов» и шпиков вывозят на тачках и сбрасывают в сточную канаву. Стачка начата. Рот и две части фильмы. Каждый из этих моментов, полных стремительности и возбуждения, гнетной и подавлен ности, остро зафиксирован в ярких, правдивых деталях, мастерски замятых и мастерски смонтированных.

Далее идет варьеовка быта бастующих. Здесь монтаж спокойный, медлительный. Молодняк, возбужденный прелестью предстоящей борьбы, тужит. Рабочий в кругу семьи. Радости неожиданного отдыха в первые дни стачки—игра с детьми, чинитие, спокойное обсуждение требований в лесу на траве. Вторая фаза. Сцены скудные запасы. Начинаются семейные драмы. Вновь монтаж фильмы становится беспокойным. Хозяева-акционеры решают не уступать. Полиция готовится к бою, мобилизует хулиганьё, готовит провокацию. Вот средняя часть фильмы.

И, наконец, борьба в открытую. Провокация полиции, разгон митинга волной из пожарных шлангов (сцена, полная нарастающей жути). Появление казаков. Первые стычки. Избиение рабочих до смерти:—некуда скрыться. Финал: массовый расстрел рабочих. Поле, покрытое трупами. Лозунг: пролетарии, помни!

Данная схема, конечно, никак не передает всего многообразия оттенков и красок, составляющих силу картины. Их трудно даже перечислить. Не все из них одинаково воспринимаются зрителем. Но все они бесспорно интересны со стороны формальной, технически сделаны блестяще. И эта покоряющая зрителя форма заставляет терпимо относиться к некоторым грехам фильмы, к неправдоподобию и грубости некоторых положений, к слишком мягкой трактовке врагов пролетариата, к тому, что не вскрыты движущие пружины стачки, к тому, что нагромождение деталей и фото-трюков не дает зрителю почувствовать внутренние настроения бастующих.

Это, конечно, снижает волнующую сущность ленты. Но все это становится ясным потом, после сеанса. Непосредственно же так или иначе зрителя захватывает, хотя бы в различные моменты в разной степени.

Финал дан сильно трагически, но внимание зрителя, рассеянное до того множеством интересных деталей, не воспринимает его с достаточной силой.

По художественному оформлению, по технике фильма очень хороша, но ее кинематографо-истерическая пенность стушевана преобладанием моментов чистой зрелищности часто в ущерб историко-бытовой правде.

Не сомневаемся, что эта своеобразная и ценная фильма будет восторженно принята рабочим зрителем.

Вин.

«ВАТАГА».

Новая постановка I рабочего театра Пролеткульта «Ватага» Ф. Гладкова рисует быт «ватаги» судовых рабочих на пустынном косе Каспийского моря в эпоху интервентской войны,—видимо, незадолго до февральской революции.

Изнуренные шестнадцатичасовым рабочим днем, побоями надсмотрщика, полициц, рабочие переходят в почти звериное состояние; они тоскуют об иной, какой-то туманной для них жизни (в этом отношении у них много общего с романтическим лумпен-пролетариатом Горького, особенно с пьесой «На дне»).

Один бежавший из тюрьмы сознательный рабочий поднимает эту ватагу, идет с ней к капиталисту с требованием восьмичасового рабочего дня; далее среди ватаги поднимается неорганизованное восстание, приведшее рабочих к кровавой бойне.

Пьеса представляет собой несомненный социальный интерес, как один, хотя и незначительный, но характерный эпизод классовой борьбы. Ценна она и своим коллективным героем-ватагой (в этом отношении она [illegible]). Тип[illegible] [illegible] в ней есть, хотя и с налетом горьковской романтики, но все же подлинный быт и сочный живой язык судовых рабочих (автор только переделал: много [illegible] слов нам непонятно). Недостаток пьесы в том, что она театрально-бодрственна, сделана из клишеев-эпизодов, не только не раскрывающих действия, но зачастую и мешающих.

Постановщики Гоморов, Левшин, Хорал **подменили изображение реального быта трюками, насытили до пределов пьесу цирковыми приемами и ненужными по ходу действия движениями.** Не [illegible] выдуманные стыком пьесы, неудобные, неудобному, и опасные для актера конструкции только способствовали затемнению сюжета пьесы, чрезмерно запутанной и в таком. В итоге **социальный и бытовой элементы пьесы, самая [illegible] в ней, подменены эстетствующим театром,** эстетикой цирковой трюковой игры. Даже такой трагический момент, как приход к капиталисту работницы, с горечью отчаянья предлагающей ему себя, весь сплетен суетливыми движениями по лестницам и площадям. Трагический элемент на социальной подкладке принесен в жертву «чистой» игре. Вместо судовых рабочих зритель видит лишь актеров, то спрыгивающих пешком (по Мейерхольду), то сатанински хохотущих и кривущихся со скрюченными пальцами и неизменно поджатыми коленями (от еврейского Камерного театра). Дикция у большинства очень неотчетлива; пожалуй, треть текста не доходит до зрительного зала. Читают на крике, много стучат и шумят.

Лучшее в постановке—музыка, как изобразительно-шумовая, так и песенная и танцовальная.

Чтобы «Ватага» дошла до рабочего зрителя, чтобы он легко раскрыл ее социальное значение, рабочий быт, театру необходимо отбросить игру ради игры и выявить экспромтными, простыми и мастерски-актерскими средствами основной социально-бытовой стержень пьесы.

Сергей Бугославский.